

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Месяков А. В. Мобилизационные акции в оккупированном Харькове: взгляд потенциальных "остарбайтеров" // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920 – 1950-е годы) / Материалы международной научной конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.): Сб. докладов. – Харьков: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2004. – С. 182 – 191.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ АКЦИИ В ОККУПИРОВАННОМ ХАРЬКОВЕ: ВЗГЛЯД ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ «ОСТАРБАЙТЕРОВ»

Как свидетельствуют статистические данные планово-экономического отдела Городской управы, в городе Харькове в период оккупации пребывало: инженерно-технического персонала — 17 857 человек, токарей — 6 821 человек, слесарей — 15 283 человек [1, ф. 1, оп. 23, д. 548, л. 44]. Общее количество квалифицированных рабочих составляло приблизительно 43 тыс. человек и, как известно, на добровольную мобилизацию именно этой части населения оккупированного города, прежде всего, рассчитывали немецкие власти.

Проведение мобилизационных акций входило в компетенцию биржи труда, созданной оккупационной администрацией в Харькове и опиравшейся в своей деятельности, среди прочих, и на органы местного украинского самоуправления — городскую и районные управы. Последние должны были проводить мероприятия вспомогательного, организационного характера: регистрировать трудоспособное население, разносить повестки, знакомить харьковчан с распоряжениями немецких властей, регламентировавших осуществление депортации в Германию, пытаться оказать помощь семьям «остарбайтеров».

Итак, повестка была первым документом, получив который, тот или иной человек понимал, что отправка в Германию на работы — дело времени. Повестки составлялись в вербовочной комиссии Харьковской городской управы и предназначались всем гражданам города, отвечавшим необходимым, прежде всего возрастным критериям. Как свидетельствуют архивные документы, повестки не просто рассылались, а разносились управдомами — должностными лицами, назначенными городской управой для осуществления контроля над деятельностью

жителей отдельного дома. Как правило, в таких повестках указывались адрес и время, к которому получатель должен прибыть к чиновнику управы для беседы по поводу отъезда в Германию [2, ф. 3064, оп. 1, д. 35, л. 2]. В этих повестках ещё нет никаких угрожающих пометок о возможных репрессиях в случае, если горожанин попытается уклониться от вербовки [2, ф. 3064, оп. 1, д. 35, л. 21]. О том же, что такие случаи были достаточно распространёнными, свидетельствует другой документ, являющийся своего рода следствием первого. Это «штрафной лист», называвшийся «Наказание за нарушение порядка» и предназначавшийся лицам, которые не явились по вызову или отказались принять повестку. В этом штрафном листе прямо указывалось, что гражданин такой-то «отказался принять повестку о явке его в Бургомистрат по делу отъезда в Германию» [2, ф. 3064, оп. 1, д. 35, л. 2]. Там же указывался и вид наказания: принудительные работы или денежный штраф. Первый вид наказаний, судя по документам, применялся крайне редко, в то время как ведомости о штрафе в 100 руб. встречаются постоянно.

Существовали и более информативные повестки, содержавшие в себе дополнения такого характера: «К отъезду Вы должны взять с собой все необходимое для продолжительной поездки и пребывания в Германии, а именно: хорошую и в достаточном количестве рабочую одежду, а также паспорт и другие справки» [2, ф. 2, оп. 14, д. 119, л. 14]. Количественный состав получивших и не получивших повестки контролировался как представителями вербовочных комиссий, так и непосредственно управдомами. Последние относились к порученному им делу достаточно ответственно, о чём свидетельствуют тщательно указанные на обратной стороне повесток причины, по которым они не были вручены. Среди них такие: «в селе», «работает на периферии», «не застали дома» и др. [2, ф. 3064, оп. 1, д. 35, л. 20]. Управдомы составляли рапорты, в которых отчитывались о количестве врученных повесток и о том, почему не смогли разнести все: «Поехала в село», «Мать сказала, что в селе, но наверняка она дома», «Работает», «Болеет, но наверняка здорова» [2, ф. 3069, оп. 1, д. 25, л. 1]. И если первая и третья причины дей-

ствительно часто имели место, то вторая и третья заслуживают особого внимания. Дело в том, что собственное мнение управления указывалось в рапортах не зря. Существовал специальный приказ, датированный 24 сентября 1942 года, в котором указывалось на необходимость ещё раз проверить, насколько обоснованно женщинам выдают справку-освобождение от мобилизации [2, ф. 3069, оп. 1, д. 5, л. 12]. В приказе соответствующим службам предлагалось, несмотря на наличие таких справок, составить список освобождённых с указанием собственного мнения по данному вопросу, который затем отослать в вербовочную комиссию [2, ф. 3069, оп. 1, д. 5, л. 18].

Необходимо сказать несколько слов об агитационных мероприятиях, проводившихся оккупационными властями и органами местного самоуправления в городе Харькове.

С одной стороны, на стенах домов харьковчане видели расклеенные афиши и плакаты, предлагающие мужчинам и женщинам ехать на работу в Германию. На плакатах изображались парни и девушки, содержались призывные надписи: «Я еду завтра в Германию. Кто за мной?». Агитация с помощью ярких, броских плакатов занимала своё место в ряду прочих средств воздействия на мирное население города. О значении, которое придавали этой «плакатной» агитации, свидетельствует тот факт, что уже к апрелю 1941 года Министерство пропаганды Германии издало 398 тыс. плакатов, выпустило 1 млн 870 тыс. листовок. При этом отдел пропаганды «У» (Украина) только в июле 1942 года распространил около 350 тыс. плакатов и листовок, в которых население призывалось записываться на работу в Германию. Дадим краткое описание некоторых плакатов, помещавшихся на страницах оккупационной прессы. На одном из них изображена «восточная работница», за спиной которой расположились улыбающиеся немки — женщина и маленькая девочка, подпись под иллюстрацией гласит: «Я работаю в Германии и чувствую себя прекрасно». На другом украинский рабочий-сталевар выливает из ковша расплавленную массу на пятиконечную звезду со щитом Давида посередине, что, видимо, должно было символизировать ненависть простых трудящихся к «жидо-

большевистским преступникам», как в газете «Нова Україна» именовали работников советского партийного и государственного аппарата. В газетах нередко встречаются и фотоматериалы. На некоторых из них изображены комнаты отдыха «остарбайтеров» на заводах Германии. На других можно видеть горные альпийские пейзажи, берлинские парки, интерьеры домов немецких рабочих, то есть всё то, что могло привлечь, заинтересовать человека, живущего в разрушенном, оккупированном городе, а значит, подтолкнуть к согласию на отъезд.

Естественно, что материалы, печатавшиеся в газетах, были наполнены радостными высказываниями, позитивными фактами и обещаниями, призванными развеять сомнения харьковчан в необходимости отправиться в Германию для того, чтобы «постудиться, поучиться культуре, помочь немецким фронтовикам» [2, ф. 2985, оп. 4, д. 6, 25 февраля 1942 года]. Содержание писем, которые якобы присылали уже работавшие в Германии харьковчане, зависело от цели, с которой они печатались, — способствовать как можно более быстрому набору рабочей силы и быть противовесом тем слухам, которые начали ходить среди населения оккупированного города и касались неудовлетворительного и даже ужасного положения, в котором оказались харьковчане на территории Германии.

Примером использования писем «остарбайтеров» в качестве орудия для проведения агитации может служить номер «Новой України» от 14 июня 1942 года, целая страница которого посвящена работе харьковчан в Германии. Начинается этот блок информации со статьи редактора газеты В. Царинника, который, рассматривая данную проблему в, так сказать, глобальном масштабе, подчёркивает, что: «...отъезд сотен тысяч украинцев в Германию имеет огромное хозяйственное и политическое значение» [2, ф. 2985, оп. 4, д. 6, 14 июня 1942 года]. Далее идёт подборка материалов, составленная из отрывков интервью, которые давали будущие «восточные рабочие», пребывая на Харьковском вербовочном пункте, и четырёх писем работников, уже находящихся в Германии. В композиционном и содержательном отношении материал подобран таким образом, что надежды (ко-

нечно же, оптимистичные), высказанные в интервью, переключаются с историями о «прекрасной жизни», изложенными в письмах. Аналогична предыдущей как по назначению, так и по содержанию подборка, опубликованная в номере «Новой Украины» под общим названием «Мне здесь лучше, чем было дома» [2, ф. 2985, оп. 4, д. 6, 24 апреля 1942 года]. Она составлена из 15 писем, каждое из которых освещает различные аспекты пребывания жителей города в Германии. Как правило, характеристика «чудесной жизни» за границей имеет скрытосравнительный характер по отношению к нищенскому существованию харьковчан в оккупированном городе. Данные, которые приводятся в письмах, касаются в основном условий быта, питания, состояния жилых помещений. Обязательной составляющей каждого письма было упоминание о «безгранично доброжелательном» отношении к депортированным со стороны местного немецкого населения. Авторы некоторых писем отходили от описания повседневной жизни и переходили к размышлениям «политического» характера, стремясь выяснить, что же нужно сделать для того, чтобы и в Украине люди жили не хуже, чем в Германии, предоставляя сразу же и необходимые рекомендации. Так, в одном из писем читаем: «...А чтобы и у нас... люди жили не хуже, чем в Германии, нужно нам, помогая немцам, раз и навсегда избавиться от жидов и коммунистов, необходимо поучиться у немцев жить и работать по-человечески...» [2, ф. 2985, оп. 4, д. 6, 24 апреля 1943 года].

Важной пропагандистской акцией оккупационных властей Харькова была выставка под названием «Украинцы трудятся в Германии», открывшаяся 28 сентября 1942 года в вестибюле Харьковской городской управы [4, с. 54]. Посетители выставки могли ознакомиться с экспозициями «Всякое начинание трудно» о первых днях пребывания рабочих в Германии, «Украинские женщины готовят обед», «Вечер дома» и т. п. Кроме этого, они могли получить брошюры, само название которых характеризует их содержание: «Друг, я тебе помогу, я еду в Германию», «Твой труд в Германии помогает уничтожить большевизм».

С другой стороны, до харьковчан доходили тревожные слухи о том, что уехавших в Германию бьют, истязают, что они го-

лодают и «мрут как мухи». Распространителями такой информации на первом этапе депортации могла быть лишь одна категория – специалисты, уехавшие в Германию и вернувшиеся по болезни. Несмотря на необходимость при вербовке набирать здоровых и сильных рабочих, как свидетельствуют документы, уже в 1942 году людей угоняли в Германию, не обращая внимания на имевшиеся у них заболевания: гнойный плеврит, туберкулёз [2, ф. 2, оп. 14, д. 117, л. 5]. Эти рабочие находились в Германии очень короткое время, а затем подлежали отправке домой. До конца 1943 года так же поступали и с «остарбайтерами», заболевшими уже в Германии, однако с течением времени, в связи с изменением ситуации на фронте, отправка на Родину стала невозможной, хотя и к работам указанную категорию людей не привлекали [2, ф. 6440, оп. 1, д. 33117, л. 4]. Именно вернувшиеся «восточные рабочие», по свидетельству харьковчан, были первыми, кто «рассказывал, что в Германии очень плохая жизнь. Работающим дают 300 гр. хлеба в день и немного похлебки» [1, ф. 62, оп. 1, д. 209, л. 6]. Очень многие горожане в то время задавали себе вопрос: «Где же правда?». Более 160 тыс. жителей города Харькова и области смогли ответить на него, уже находясь на принудительных работах в Германии.

Имела место контрагитационная работа со стороны советских подпольщиков и партизан. Один из последних, характеризуя свою деятельность в оккупированном городе, вспоминал: «Когда немцами была в начале 1942 года в Харькове объявлена регистрация специалистов металлической промышленности и началась так называемая «вербовка» в Германию, мы определили свое участие распространением слухов об ужасах, какие испытывают рабочие, всеми способами угнанные в немецкое рабство, и выпустили рукописную листовку с текстом моего [автора записки. – А. М.] сочинения:

«Заполняя регистрационный лист, / где ставят «годен», «нет», Знаешь ли ты, «специалист», / Что изменяешь Родине, Что пополняешь пленных рать, / Куплен фальшивой монетой, Ты уезжаешь оружие ковать / Против Страны Советов» [1, ф. 1, оп. 22, д. 583, л. 10].

С середины 1942 года оккупационные власти вынуждены пойти на сокращение количества людей, не подлежащих вербовке, путём усложнения процедуры получения освобождения. Так, если ранее достаточно было документа, подтверждающего право на освобождение от мобилизации (справки от врача или с места работы), то приблизительно с августа 1942 года дополнительно необходимо было иметь штамп об освобождении на повестке или специальное свидетельство от районной вербовочной комиссии.

Количество добровольцев, уехавших в Германию, незначительно и в абсолютном, и в процентном отношении, но некоторые из причин, которые подталкивали наших соотечественников к такому шагу — отъезду, заслуживают особого внимания. Одна из них, самая распространённая, изложена в единственных, известных автору, опубликованных мемуарах харьковчанина и бывшего «остарбайтера» Михаила Черненко [5]. Будучи в 1942 году подростком и сообщив родным о возможной мобилизации в Германию, он услышал в ответ: «... Раз отправляют туда работать, значит, будут кормить. Может, бог даст, ты выживешь. Пусть хоть и там...» [5, с. 25]. Другая причина — надежда на то, что, уехав, они удлучшат или хотя бы облегчат положение собственных семей, и иногда такие надежды были не совсем беспочвенными. Существовали распоряжения, цель которых — обеспечить содержание семей рабочих, добровольно уехавших в Германию. Следует отметить, что степень обеспеченности и виды помощи в разных документах указывались различные. По хронологии, первым распоряжением, направленным на разрешение этой проблемы, был приказ министра восточных оккупированных территорий Альфреда Розенберга от 5 ноября 1941 года, в котором, говоря обо всех мобилизованных на работы, министр в параграфе 3 указывал на то, что «социальное обеспечение трудообязанных осуществляется в рамках возможного» [3, с. 44]. Указания рейхсмаршала Геринга, датированные 9 ноября 1941 года и касающиеся непосредственно «остарбайтеров», более конкретны: «Содержание их [рабочих. — А. М.] родных должно быть обеспечено» [3, с. 50].

В соответствии с изученными документами, декларируемую помощь можно разделить на два вида — финансовую и продовольственную. Прежде чем говорить о них, остановимся на одном из обязательств оккупационной администрации по отношению к семьям «остарбайтеров» — обещании сохранить за ними их квартиры. Существовал специальный приказ Харьковской городской управы от 1 апреля 1942 года, согласно которому квартиры тех рабочих, которые как специалисты были отправлены в Германию, находятся под охраной немецкого командования, а потому их запрещено занимать или выносить мебель [2, ф. 3069, оп. 1, д. 5, л. 7]. Владельцам таких помещений выдавались специальные охранные листы, а ответственность за соблюдение указанных правил возлагалась на управдомов. В то же время, для того, чтобы занять помещение, пусть даже и против воли хозяев, нужно было иметь специальное разрешение от полевой комендатуры, то есть представителей немецкой армии, под размещение частей которой были отданы квартиры, из которых только в 1942 году выселили 13 173 человека [4, с. 57].

О попытках финансовой поддержки семей, депортированных со стороны оккупационного административного аппарата, дают представление анкеты родственников депортированных с просьбой оказать материальную помощь [2, ф. 3070, оп. 1, д. 274, л. 1 — 45]. Анкеты разделены на две части: первая — счётный лист, вторая — собственно просьба о предоставлении помощи.

В счётном листе указывались данные о человеке, отправленном в Германию и о члене семьи обратившегося с ходатайством. Указанный документ был прошением о помощи, разрешением на её получение и, одновременно, подтверждением последнего, благодаря наличию специальной ведомости на обратной стороне листа, где и указывалась сумма выплат, как правило, — 130 руб. в месяц.

Вторая часть анкеты более информативна и интересна. Наряду с обычными анкетными данными, в ней указывалась дата отъезда и номер эшелона, в котором тот или иной человек был отправлен в Германию [2, ф. 3074, оп. 1, д. 130, л. 6, 8]. Это

даёт нам возможность проследить за численностью и периодичностью «волн» депортации на протяжении всего периода оккупации Харькова. Важным, прежде всего с точки зрения оккупационных властей, было наличие пункта о количестве ближайших родственников, их специальностей (профессий), причём, если среди них были безработные, это обязательно фиксировалось. С одной стороны, это увеличивало шансы на позитивное решение, с другой — давало возможность властям полностью контролировать местонахождение и деятельность тех членов семьи «оста», которые остались в городе. Каждый человек, заполнявший анкету, давал подписку об ответственности за предоставление ложных свидетельств [2, ф. 3074, оп. 1, д. 130, л. 8].

Заканчивается документ заключением бургомистра, в котором он даёт оценку необходимости оказания помощи. Основывалась эта оценка на следующих факторах: обязан ли был «остарбайтер» помогать родным юридически или морально, был ли он единственным кормильцем и если да, то насколько ухудшилось положение семьи после его выезда в Германию. Там же указывалось, работают ли родственники и насколько сильно они нуждаются. Приведём примеры таких заключений: «Андропова А. П. человек старый, больной, нигде не работает, нуждается в помощи» или «Арестова М. И. живет с тремя детьми, не работает, необходима помощь» [2, ф. 3074, оп. 1, д. 130, л. 9; 11].

Оккупационная администрация, однако, запаздывала с такого рода помощью. Как видно из обработанных анкет, составленных летом 1943 года, суммы выплат равняются 780 руб., то есть деньги начислялись с полугодовым опозданием ($780 : 130 = 6$ месяцев) [2, ф. 3074, оп. 1, д. 130, л. 9, 11]. Следует также обратить внимание и на отсутствие в счётных листах подписи-подтверждения того, что деньги получены. И последнее: сама сумма в 130 руб. давала возможность её владельцу приобрести не более 1 кг хлеба.

Существование продовольственного вида помощи семьям специалистов подтверждается таким источником, как «карточка клиентуры», в которой помещалась информация о составе се-

мы, возрасте, национальности и специальности депортированного [2, ф. 3064, оп. 1, д. 37, л. 34]. Наличие штампа с датой депортации предоставляет возможность точно установить время её начала. Эти карточки клиентуры распространялись Харьковским бюро питания для того, чтобы работающие родственники «остарбайтеров» могли получать питание при отделе социальной опеки Харьковской городской управы.

Итак, задание обеспечить семьи «остарбайтеров» было обусловлено не гуманными, а исключительно прагматическими целями. Некоторые акции, как видно из состояния документов, были чисто формальными и касались незначительной части населения оккупированного города. Одновременно органы местного самоуправления активно, тщательно и последовательно осуществляли мероприятия по мобилизации жителей города. И даже если попытки со стороны Харьковской городской управы, направленные на улучшение положения семей «остарбайтеров», и достигали цели, они не могли существенно помочь харьковчанам.

Литература

1. Центральный государственный архив общественных организаций Украины.
2. Государственный архив Харьковской области.
3. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941 – 1944). – М.: Экономика, 1985.
4. Харьковщина в годы Великой Отечественной войны: Хроника событий. – Х., 1995.
5. Черненко М. Чужие и свои. Документальная повесть. – М., 2001.